

⁸³ Согласно уставу 1898 г. решение об открытии общества предоставлялось местному губернатору; сельскохозяйственные общества имели право учреждать сельскохозяйственные школы, опытные поля и т.д. См.: *Агрономическая помощь в России*. С. 106–107.

⁸⁴ Чистопольское (Змиевское) опытное поле // *Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях Российской империи*. С. 72–75.

⁸⁵ Там же. С. 75.

⁸⁶ Подсчитано мной. См.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей... С. 278–352.

⁸⁷ *Агрономическая помощь в России*. С. 360.

⁸⁸ Там же. С. 328–330.

⁸⁹ Там же. С. 336.

⁹⁰ Об устройстве Передвижных курсов Русским обществом пчеловодства. СПб., 1914.

⁹¹ *Агрономическая помощь в России*. С. 338–341.

⁹² Доклад № 75 о коллективных опытах восточной половины Орловской губ. (в районах опытных полей Елецкого и Орловского). Орел, 1915. С. 8–11.

⁹³ Исторический очерк хутора Императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1891. С. 2. См. также: *Мещерский И.И.* Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. СПб., 1893. С. 13–15; *Агрономическая помощь в России*. С. 260.

⁹⁴ Учреждение Императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1890. С. 78.

⁹⁵ Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Описание хозяйств на фермах Московского сельскохозяйственного института, училищ: Бессарабского виноделия... и Московской земледельческой школы. СПб., 1904. С. 215.

⁹⁶ Там же. С. 218.

⁹⁷ *Ходнев А.И.* Указ соч. С. 258–277.

⁹⁸ *Агрономическая помощь в России*. С. 261.

⁹⁹ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 18, д. 652, л. 29–29 об.

¹⁰⁰ Очерк развития Стебутовских сельскохозяйственных высших курсов за десятилетие их существования и отчет об их состоянии за 1913–1914 гг. Пг., 1915.

¹⁰¹ Об истории Саратовских курсов: Труды Саратовского сельскохозяйственного института. Т. 1. Саратов. 1939. С. 3–4.

© 2011 г. И. В. ЗУБКОВ*

ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1890–1910-е гг.)

Общества взаимопомощи учителей, или «взаимного вспомоществования учащим и учившим», как они обычно назывались, были одними из наиболее массовых общественных организаций в Российской империи. За исключением 1905–1908 гг., когда действовал Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, эти общества являлись единственными общественными объединениями, в которых в большом числе состояли педагоги начальной школы¹. Тем не менее они, как и многие другие педагогические организации, изучены недостаточно².

Педагоги начальной школы были крупнейшей учительской группой (свыше 157 тыс. человек к концу 1915 г.)³ и являлись своеобразной частью интеллигенции, которую современники часто относили к «полуинтеллигентам». Они, как правило, отличались низким уровнем образования (среди них была велика доля лиц с образованием ниже среднего, а лица с высшим образованием встречались редко), народническими настроениями, маргинальным положением на рынке интеллигентного труда. Среди других интеллигентных профессий оклады сельских и даже городских учителей были одними из самых низких. Например, в 1911 г. в Костромской губ. земские учителя

* **Зубков Игорь Владимирович**, кандидат исторических наук, старший редактор издательства «Большая Российская энциклопедия».

получали в среднем 337 руб. в год, в то время как врачи – 1 674 руб., ветеринарные врачи – 1 250 руб., фельдшеры – 555 руб. в губернской больнице и 400 руб. в уездных, фельдшерицы, повивальные бабки, акушерки – 490 руб. в губернской больнице и 330 руб. в уездных, ветеринарные фельдшеры – 472 руб., агрономы – 1 715 руб., страховые агенты – 786 руб. и т.д.⁴ Вплоть до начала реализации в 1908 г. проекта введения всеобщего начального обучения большинство учителей земских школ были лишены пенсионного обеспечения. Как признавало Министерство народного просвещения (МНП), «скромный труженик, посвятивший всю свою жизнь и свои способности на служение ближним, на распространение света и истины, должен умирать в нищете. Такие условия заставляют покидать места даже самых энергичных и всею душою преданных своему делу учителей»⁵.

Положение учителей усугублялось их уязвимостью перед произволом как начальства, так и крестьян. Вятское губернское земское собрание обращало на это внимание в своем ходатайстве об улучшении правового положения преподавателей земских школ: «Учитель бессилен и бесправен. Никаких определенных ограждений на случай перемещения и увольнения он в законе не имеет, взгляды на этот предмет членов училищных советов могут быть различны и своеобразны; создается служебное положение чрезвычайно непрочное. Жизненные условия еще более усиливают эту непрочность юридическую... Лица, не имеющие значения в обществе, вынужденные терпеть нужду, лишенные взаимной поддержки, при всякой невзгоде чувствуют себя подавленными и фактически теряют возможность пользоваться даже такими скромными правами, которыми наделяет их закон. Такое состояние часто испытывает народный учитель. Над ним несметное количество начальства; он подведомствен дирекции и инспекции народных училищ, земству, училищному совету и отдельным членам его, попечителю школы, сельским властям., над его деятельностью и даже частной жизнью надзирает не только местный священник, но и каждый крестьянин – богатый и небогатый, до сторожа включительно. Положение еще более отягощается, если общество несет какие-либо расходы по содержанию школы (поставку квартиры, дров, сторожа и т.п.). Унижение и бессилие учащего в таких случаях перед каждой сельской властью не имеют меры»⁶.

Кроме того, земские учителя часто являлись единственными представителями интеллигенции в своих селениях. «Связи с местным населением нет: учитель в центре России, в коренной русской православной деревне чувствует себя совершенно одиноким, – писал современник. – Это и есть одна из первых причин к стремлению народных учителей к взаимному общению, к образованию какой-то особой учительской корпорации»⁷. Сельские учителя не имели возможности регулярно читать книги, газеты и журналы, бывать в городе, общаться с коллегами. Председатель Рузского уездного училищного совета и деятель земского движения кн. Павел Д. Долгоруков отмечал, что учителя разобщены и «часто даже не зают в лицо своих товарищей по уезду»⁸. При этом надо заметить, что большинство педагогов являлись совсем молодыми людьми (в 1911 г. моложе 25 лет были 45% учителей и 60% учительниц земской школы⁹), и это лишь обостряло переживание одиночества.

В результате материальная необеспеченность, правовая незащищенность, неуверенность в своем будущем, одиночество и потребность общения с коллегами вызвали в 1890–1900-х гг. быстрое распространение обществ «взаимного вспомоществования учащим и учившим». Определенное влияние на создание и характер этих обществ оказало и бурное развитие кооперативного движения. В первый период существования обществ, вплоть до конца 1890-х гг., инициаторами их создания и организаторами были представители учебной администрации, земские и общественные деятели, знакомые с жизнью педагогов или прямо связанные с ними по роду своей деятельности. Впоследствии, по мере складывания корпоративного самосознания, все большую роль в создании обществ играли сами учителя.

До 1894 г. общества находились как в ведении МНП, так и в подчинении МВД, и имели различные уставы, в том числе и такие, которые в качестве задач обществ вклю-

чали не только материальную взаимопомощь, но и содействие улучшению «нравственных условий жизни учащихся и учивших». 5 июня 1894 г. МНП был утвержден типовой («нормальный») устав обществ взаимного вспомоществования¹⁰. С этого времени все они состояли в ведении МНП и обычно создавались и действовали на основании этого устава. В печати его резко критиковали за введение в состав правления обязательного члена от учебного ведомства по назначению директора народных училищ, что нарушало самостоятельность профессиональной организации, ограничивало круг деятельности общества задачами материальной взаимопомощи.

Обязательность «нормального» устава фактически сохранялась и после издания Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г., согласно ст. 9 которых «служащие, хотя бы по вольному найму, в правительственных установлениях» могли образовывать «в своей среде общества для целей благотворительных или для удовлетворения духовных и материальных своих потребителей... не иначе, как на основании устава, утверждаемого начальством»¹¹. Поскольку абсолютное большинство учителей начальной школы нанимались органами городского и земского самоуправления и не имели прав государственной службы, учредители обществ предпринимали попытки регистрации их уставов обычным порядком, однако получали отказ от присутствий по делам об обществах и союзах. Сенат, МНП и МВД неоднократно разъясняли, что в «служебном отношении и в отношении ведения школьного дела» учителя земских и городских училищ подчинены МНП, а земские и городские общественные управления «составляют установления правительственные»¹². При этом позиция МНП в вопросе об обязательности «нормального» устава была непоследовательной: после издания Временных правил об обществах и союзах оно заявило, что «нормальный» устав утратил силу, но уже в 1908 г. предписало «приостановиться» с учреждением обществ до пересмотра их «нормального» устава, а в 1912 г. отказалось от своего намерения и вновь предоставило разрешение вопроса об этом местной администрации¹³.

В состав педагогических обществ взаимного вспомоществования входили обычно 3 категории членов. Действительными членами были учителя (как состоявшие на службе, так и находившиеся в отставке), членами-соревнователями могли избираться лица других профессий (врачи, акушерки и проч.), «сочувствующие целям общества» и в качестве таковых оказывающие услуги обществу личным трудом или уплатой ежегодного членского взноса. Лица, путем личных услуг или крупных пожертвований внесшие наиболее существенный вклад в деятельность общества, избирались в почетные или пожизненные члены. Члены-соревнователи и почетные члены пользовались всеми правами наравне с действительными членами, но не имели права на материальную помощь. Таким образом, уплатив сравнительно небольшую сумму, они получали не только право голоса, но и возможность войти в состав правления.

Первые 4 общества открылись в 1866–1890 гг., затем их количество стало быстро расти и к концу 1902 г. достигло 71 (13 городских, 46 губернских и 12 уездных)¹⁴. Общие данные о числе членов обществ отсутствуют, однако известно, что в 1901 г. в 53 из них состояло 21 695 человек, из которых учителями были 14 857 (68%)¹⁵. В 1913 г. 41 общество взаимного вспомоществования педагогов (о которых имеются соответствующие данные) насчитывало в своих рядах 16 360 действительных членов, 1 673 члена-соревнователя, 839 пожизненных и 251 почетного членов¹⁶. Из сопоставления численности губернских обществ с общим числом педагогов той или иной губернии видно, что они охватывали не более 1/3 учителей. «На призыв к объединению массовый учитель часто отвечает отказом», — писал деятель педагогического движения¹⁷.

Общества взаимопомощи учителей различались как по административно-территориальной принадлежности, так и по составу действительных членов. По данным, собранным в 1915 г. Центральным справочным бюро Всероссийского педагогического общества, из 99 учтенных обществ 53 были губернскими (9 губернских обществ имели уездные филиальные отделения, всего их насчитывалось 33), 26 — самостоятельными уездными организациями, 12 — городскими, 2 — всероссийскими (Общество попечи-

тельства о воспитательницах и учительницах в России и Всероссийское общество попечения о неимущих и больных педагогах, оба в Петрограде), одно имело краевой характер (Общество польских учителей и учительниц в Варшаве), еще 5 объединяли выпускников Петроградского, Московского и Белгородского учительских институтов, Петроградской земской учительской школы, высших женских курсов в Петрограде. В состав действительных членов большинства обществ (55) допускались только учителя начальной школы, в 35 обществах участвовали преподаватели средних учебных заведений и начальной школы повышенного типа (городских и высших начальных училищ и т.д.), 5 обществ включали в свой состав преподавателей начальных училищ и начальных школ повышенного типа, 6 обществ объединяли учителей по национальному признаку (5 еврейских, одно польское), 5 организаций предназначались только для учительниц, 2 уездных общества – для учителей земской школы и других земских служащих, одно общество было создано специально для учителей рисования¹⁸. При этом педагоги начальных училищ преобладали даже в тех обществах, куда в качестве действительных членов допускались учителя средней школы, так как положение этих двух групп учительства коренным образом различалось, и попытки объединить их в рамках одной организации были обречены на провал. В частности, вознаграждение за труд преподавателей земских школ было в среднем более чем в 6 раз ниже, чем доходы штатных учителей мужских гимназий и реальных училищ.

Хотя уставы большинства обществ не ограничивали круг своих членов только преподавателями школ ведомства МНП, на практике учителя духовного ведомства (вторая по численности группа педагогов начальных училищ) редко участвовали в обществах вспомоществования. «Учительство церковно-приходских школ, – указывал один из деятелей взаимопомощи, – служит лишь переходной ступенью к священническому сану или замужеству, в силу чего эти учителя обыкновенно далеки от всяческих корпоративных начинаний. Об учителях школ грамоты нечего и говорить, так как они вербуются из лиц, обыкновенно столь низко стоящих по своему развитию, что находятся в стороне от общеучительских интересов. Учителя школ казенных, в силу полной своей служебной зависимости, почти лишены возможности обсуждать свое положение, и для них нет другого пути к благополучию, кроме выслуги»¹⁹.

Капиталы обществ формировались из ежегодных членских взносов, пожертвований, пособий от различных учреждений, иногда – из доходов от устройства благотворительных вечеров, концертов и спектаклей. Размеры членских взносов были различными (от 1 до 5 руб. для действительных членов и от 1 до 25 руб. для членов-сореферентов в 1901 г.), но в большинстве обществ действительные члены вносили в общую кассу 3 руб. в год, или 25 коп. ежемесячно. Капиталы обществ также сильно различались: в 1901 г. большинство обществ, о которых имеются соответствующие сведения, располагали капиталом до 5 тыс. руб. (22 общества) или от 5 до 10 тыс. руб. (13 организаций). Лишь 9 обществ имели капиталы от 10 до 15 тыс. руб. и только одно располагало солидным капиталом (свыше 20 тыс. руб.)²⁰.

Свои членские взносы учителя и учительницы уплачивали неаккуратно: часто задерживали их или и вовсе переставали вносить. Общества ежегодно ходатайствовали о назначении пособий из казны, однако МНП было вынуждено отклонять большую часть подобных ходатайств, отпуская в отдельных случаях не более 1 тыс. руб. в год²¹. В 1905 г. в министерстве рассматривалась возможность распределять казенную денежную помощь учителям не через училищные советы, а путем субсидирования обществ взаимопомощи, однако эта идея не была реализована²².

Судить об источниках доходов обществ взаимопомощи можно на основании данных, полученных в результате анкетирования, проведенного в 1913 г. оргкомитетом второго съезда представителей обществ взаимопомощи лицам учительского звания (на анкету ответило лишь 41 общество, или около трети существовавших). В среднем капиталы обществ составляли около 12 тыс. руб. Наиболее крупным источником доходов были пособия от учреждений (всего для 41 общества 54.5 тыс. руб. в год), в первую очередь от земств (31 тыс. руб.). Далее следовали членские

взносы (39.5 тыс. руб.), пособия МНП (6.4 тыс. руб.) и доходы из других источников (15 тыс. руб.)²³. Таким образом, существование обществ зависело преимущественно от органов самоуправления и других учреждений. Некоторые уездные земства полностью содержали общества взаимопомощи, уплачивая за учителей членские взносы.

Основная деятельность учительских обществ заключалась в выдаче учителям, их вдовам или сиротам ссуд и безвозвратных пособий (разовых или «постоянных», на определенный период) в случае потери трудоспособности, на лечение, воспитание детей, похороны и т.д. Ссуды и пособия выдавались, как правило, членам, состоявшим в обществе не менее 2-х лет, преимущество отдавалось «многосемейным». В большинстве обществ ссуды были беспроцентными, в остальных за пользование ими взималось от 4 до 6% годовых²⁴. Развитие учительского кредита тормозилось неаккуратным возвращением взятых ссуд. «Задолженность по ссудам и несвоевременное погашение их, – утверждал представитель Новгородского общества, – общее явление, что видно из отчетов различных обществ, и следовательно, оно обуславливается общими причинами. Главная причина, по нашему мнению, кроется в более чем недостаточном бюджете учителя». Другой важной причиной, по мнению правления этого общества, был «превратный взгляд членов на Общество, его деятельность и товарищеские взаимоотношения»²⁵. В связи с этим в ряде обществ требовалось поручительство за заемщика одного или двух членов. Для взыскания долгов правления обществ прибегали к рассылке напоминаний, публикации списков должников и даже к судебным искам против неплательщиков, но существенного значения эти меры не имели. В то же время в ряде обществ вопрос о том, нужно ли отдавать ссуду или нет, был вопросом совести должника и в случае неуплаты к последнему не применялось никаких мер.

Скромные капиталы обществ позволяли им удовлетворять лишь небольшую часть просьб своих членов о выдаче ссуд и пособий, а размеры самой помощи были невелики. Например, Общество вспомоществования Олонецкой губ. при 302 действительных членах в 1904 г., на шестой год своего существования располагало капиталом в 4.9 тыс. руб.; в 1901 г. правом получения ссуды смогли воспользоваться 15 человек, в 1903 г. – 9 человек, безвозвратные пособия в 1904 г. были выданы 25 членам или их семьям на общую сумму 755 руб. (в среднем – чуть более 30 руб. каждому). В 1909–1910 гг. то же общество насчитывало 329 действительных членов и имело капитал в 4.5 тыс. руб.; в этот период ссуды были выданы 70 членам, некоторым неоднократно, а пособия – 27 членам на сумму 906 руб. (в среднем – чуть более 33 руб. каждому)²⁶.

Другим наиболее распространенным видом деятельности обществ было устройство и содержание общежитий для учившихся в средних учебных заведениях детей педагогов. Для семейных учителей такие пансионы имели огромное, иногда решающее значение, позволявшее им оставаться на службе и после рождения детей. Директор народных училищ Орловской губ. писал в 1900 г., что бывали случаи, когда учителя отдавали своих детей на обучение в лавочки или к портнихам, не имея возможности оплатить их обучение в средних учебных заведениях и проживание вне дома²⁷. Дети педагогов содержались в общежитиях под наблюдением воспитателей «на полном пансионе», значительно дешевле и в более благоприятных условиях, чем на «ученических квартирах» у случайных людей. По данным за 1914 г., плата за проживание детей в общежитиях колебалась от 40 до 120 руб. в год, в среднем она покрывала около 72% расходов на их содержание²⁸. В 1913 г. 29 обществ содержали 34 общежития, некоторые имели 2 общежития – для девочек и для мальчиков. В них проживали 980 воспитанников. Однако лишь 13 общежитий были обеспечены собственными домами, остальные помещались в наемных квартирах. Многие общества намеревались открыть общежития и копили соответствующие целевые капиталы²⁹.

Общежития были небольшими и, конечно, не могли вместить всех нуждавшихся. Например, в общежитии Общества Олонецкой губ. в 1909–1912 гг. ежегодно содержалось 16 воспитанников³⁰. Во Владимире в общежитии местного общества в 1910 г. жили 17 мальчиков и 13 девочек³¹. Одно из немногих крупных общежитий имелось у Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегород-

ской губ. К 1904 г. оно построило для него собственное здание (до этого общежитие находилось в небольшом наемном помещении), рассчитанное на 40 мальчиков и столько же девочек. Характерно, что это крупное заведение было создано с помощью широкого круга лиц и учреждений: строительство здания обошлось в 18 тыс. руб., из которых почти 3 тыс. внесли земства, 1.7 тыс. было собрано с благотворительного концерта, в котором участвовал Ф.И. Шаляпин, 700 руб. дала подписка среди нижегородцев, 1 тыс. внесла при посредничестве М. Горького издательская фирма «Знание»³².

Правления некоторых обществ, главным образом уездных, а также уездные филиалы отделения губернских организовывали в городах бесплатные или дешевые «квартиры» (общежития) для сельских учителей. На их основе впоследствии создавались учительские дома, которые задумывались как центры обслуживания «духовных интересов» преподавателей. Крупнейший учительский дом был построен в 1911 г. Обществом взаимопомощи при Московском учительском институте³³. Ряд обществ организовывали бюро труда, искавшие вакансии для летней или постоянной работы, устраивали летние колонии и санатории, библиотеки, книжные склады, общеобразовательные и специальные курсы, чтения, лекции, выставки и экскурсии для своих членов, выписывали для них журналы. В 1890-х гг. Казанское, Санкт-Петербургское и Нижегородское общества взаимопомощи учителей выступили с инициативой организации первых в России коллективных образовательных экскурсий для педагогов начальной школы. Затем в это движение включились Пермское и Тамбовское общества. Все они готовили в «своих» городах помещения для приема экскурсантов-учителей. С 1901–1903 гг. роль главных организаторов учительских экскурсий перешла к земствам, а с 1908 г. – к просветительным обществам³⁴.

Многие общества обсуждали возможность учреждения собственных журналов и пытались наладить их издание, однако лишь 3 из них сумели издавать периодические издания на протяжении длительного времени. Санкт-Петербургское (Петроградское) педагогическое общество взаимной помощи выпускало журналы «Справочный листок» (1894–1914) и «Петроградский учитель» (1915–1918). Обществом взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбурга издавался популярный общественно-педагогический и литературный журнал «Учительский вестник» (1907–1917). Общество взаимного вспомоществования Кубанской обл. и Черноморской губ. участвовало в издании общественно-педагогического журнала «Кубанская школа» (1914–1917).

Приоритеты обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим отразились в данных о расходах 42 учительских обществ за 1913 г. Крупнейшими статьями расходов (в порядке убывания) были содержание общежитий, приобретение недвижимости и строительство, ссуды и пособия членам. Расходы на «просветительные и духовные нужды» находились на 8 месте³⁵. В соответствии с общими для российского кооперативного движения тенденциями особое значение культурно-просветительной работе в обществах придавалось в конце 1900–1910-х гг., когда почти все они стали стремиться расширить круг деятельности, обозначенный «нормальным» уставом, и содействовать повышению образовательного уровня своих членов и расширению их кругозора.

Фактически общества являлись и представительными организациями: они часто обращались с ходатайствами о нуждах учительских корпораций к органам местного самоуправления, учебной администрации и даже предпринимателям (с просьбой предоставления льгот своим членам). Если первоначально обращения к земствам содержали в основном просьбы о субсидиях или повышении учительского жалованья, то с начала 1900-х гг. все чаще в таких ходатайствах звучали требования организации училищных комиссий при управах с участием выборных от учителей и улучшения правового положения учащихся. При этом некоторые общества в своих ходатайствах оперировали статистическими данными о бытовых, материальных и правовых условиях жизни педагогов, которые они собирали и обрабатывали самостоятельно.

Анкетирование с этой целью провели Бессарабское, Вологодское, Кубанское, Лохвицкое, Московское, Псковское, Олонецкое, Ярославское и другие общества³⁶.

Дееспособность организаций учительской взаимопомощи во многом зависела от членов-соревнователей. Их участие в деятельности обществ имело особенно большое значение в 1890-х – первой половине 1900-х гг. Деятели педагогического движения Н.В. Тулунов отмечал в 1902 г.: «Просматривая отчеты учительских обществ взаимопомощи, нередко приходится читать о равнодушии, с которым учащие относятся как к самому обществу, так и к его деятельности, сводя свое участие лишь к уплате членского взноса». По мнению самих учителей, причиной этого являлось отсутствие привычки к общественной деятельности³⁷. Характерные для многих из них «робость, застенчивость, конфузливость, нелюдимость, способность теряться в мало-мальски разнящейся от деревенской обстановке, непривычка к собраниям и неумение ясно, точно, коротко формулировать свою мысль» также тормозили развитие чисто учительских объединений³⁸. К тому же на общие собрания в город могли приехать из-за несовершенства путей сообщений и дороговизны проезда лишь немногие из действительных членов обществ. Нередко большинство участников общих собраний составляли члены-соревнователи из числа горожан, которым, как писал редактор-издатель журнала «Русский начальный учитель», «жизненные интересы и потребности учащихся не так близки и не всегда даже известны»³⁹. Именно члены-соревнователи благодаря своей активности, независимости от учебной администрации и опыту общественной деятельности занимали господствующее положение в правлениях обществ⁴⁰. Один из учителей утверждал: «Если эти общества (взаимного вспомоществования. – И.З.) делают что-нибудь, то это что-нибудь делается 3-мя – 5-ю членами их, которые редко когда принадлежат к учительскому персоналу начальных школ. По большей части эти 3–5 лиц – люди свободных профессий, не имеющих с самой жизнью учащихся почти никакой связи. Активных же членов из учащихся встретить чрезвычайно трудно. Учащие на собраниях учительских обществ по большей части безмолвствуют; они готовы принять все, что им предложат другие»⁴¹.

Положение учителей вызывало сочувствие в очень широких кругах, однако постоянное участие в делах обществ взаимного вспомоществования часто принимали лишь наиболее активные и «беспокойные» деятели, легко находившие отклик своим оппозиционным идеям в учительской среде. Директор народных училищ Смоленской губ. в отзыве на проект устава Общества вспомоществования учителям его дирекции писал попечителю Московского учебного округа в 1897 г.: «Симпатичность предприятий, вызываемых желанием помочь нуждающимся народным учителям и учительницам... обыкновенно вызывает горячее сочувствие как более или менее высокопоставленных местных деятелей, так и всех образованных и благомыслящих людей, что замечается и в данном случае. В числе ста одной подписи на заявлении, поданном г. Смоленскому губернатору, встречаются подписи губернского и некоторых уездных предводителей дворянства, чиновников, занимающих более или менее видные места..., земских начальников, председателей губернской и уездных земских управ, крупных землевладельцев и т.д. Но, к сожалению, лица эти, отвлекаемые занятиями по своему служебному и имущественному положению, как показывает опыт, не имеют возможности постоянно поддерживать свое влияние на дела подобных обществ и мало-помалу уступают его менее видным местным деятелям, между которыми могут встречаться и такие, сближение которых со скромными тружениками школы не всегда желательно»⁴².

Ведущая роль членов-соревнователей в учительских обществах взаимопомощи привела к тому, что они фактически выходили из-под контроля учебного ведомства. Член Комиссии об улучшении положения народных учителей и учительниц МНП писал в 1905 г.: «Чисто учительские организации, в виде ли общества взаимопомощи или съездов их, не могут вызывать никаких опасений. Они достаточно гарантированы от крайних ненормальных явлений, в отдельных же случаях учебное ведомство обладает необходимыми средствами для воздействия на них и может всегда устранить всякие отклонения от их прямых задач. Нежелательны посторонние лица в этих обществах,

являющиеся туда часто со стремлением провести в учительскую среду свои тенденции и таким образом повлиять на народную школу. По отношению к таким лицам учебное начальство не располагает никакими мерами к устранению или даже уменьшению вредного влияния их на общее направление деятельности обществ»⁴³. Тем не менее ни учебное ведомство, ни МВД не предпринимали никаких мер к ограничению участия членов-соревнователей в профессиональных организациях педагогов.

Как уже говорилось, «нормальный» устав обществ предусматривал обязательное членство в составе правления представителя от МНП. Обычно им становился инспектор или директор народных училищ. Эти представители были главными блюстителями законности и целесообразности деятельности обществ взаимопомощи. Зачастую их положение как членов правления было незавидным. Директор народных училищ Ярославской губ. «на основании конфиденциальных сообщений как инспекторов народных училищ Тверской губернии, так и посторонних лиц» следующим образом описывал сложившуюся в Тверском обществе взаимопомощи в конце 1890-х гг. обстановку: «На общие собрания в г. Твери съезжались учителя и учительницы в количестве от 100 до 200 человек и, очевидно, по предварительному соглашению, выбор их председателя всегда падал на лицо или из земских деятелей, или из народных учителей, отличающихся крайне либеральным образом мыслей и антагонизмом по отношению к чинам Министерства народного просвещения. Под руководством такого председателя в общих собраниях допускалась совершенно непристойная либеральная болтовня, в подражание земским собраниям Тверской губернии, или подвергалась критике и осмеянию деятельность директора и инспекторов народных училищ. Учителя и учительницы, подвергшиеся удалению от службы за предосудительные поступки и в особенности по политической неблагонадежности, встречали в общих собраниях горячее сочувствие, как невинно пострадавшие и получали от собрания щедрую материальную поддержку. Положение чинов Министерства народного просвещения делалось еще более невыносимым вследствие того, что... один из инспекторов народных училищ должен был присутствовать на собрании как неприменимый член правления по назначению учебного ведомства. Он должен был, роняя свое достоинство, или оправдываться перед собранием, или смолчать, терпеливо перенося резкие нападки, остроты и насмешки, направленные как на него, так и на его сослуживцев»⁴⁴.

По данным МВД, по большей части именно под влиянием «посторонних лиц» (членов-соревнователей) общества взаимопомощи были «склонны стремиться к расширению своих задач, стремясь к корпоративному объединению учащихся, с целью направления деятельности такой корпорации в не всегда желательном смысле»⁴⁵. О том, какой характер могло придать деятельности учительских обществ чрезмерно активное участие в их делах членов-соревнователей, показывает история образованного в 1901 г. Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях ведомств МНП, состоящих в Пермской губ. На второе его общее собрание в 1902 г. явились 58 членов, в том числе 31 из среды учителей, остальные – из числа членов-соревнователей и бывших учителей, среди которых было 5 политически неблагонадежных лиц. По словам губернатора, «многие благонамеренные члены общества были настолько смущены свободным участием в прениях и голосовании на собрании таких скомпрометированных лиц..., что некоторые из числа этих членов не признали для себя возможным присутствовать в этом заседании и удалились из собрания»⁴⁶. Сложившаяся на собрании «партия неблагонамеренных» состояла главным образом из числа членов-соревнователей, служивших в Пермской губернской земской управе и управлении Пермской железной дороги. Эта «партия» провела в председатели общего собрания служащего губернской земской управы Вобылева, под руководством которого прения с самого начала отличались «крайне резкой тенденциозностью» по отношению к действовавшему составу правления, так что его председатель и один из членов подали в отставку. Многие из «благонамеренных» членов общества отказались от участия в выборах нового состава правления и удалились из собрания, убедившись в невозможности бороться с численно преобладающей радикальной

партией, в связи с чем все 6 вновь избранных членов правления оказались из числа ее сторонников. Затем между «партиями» разгорелась острая борьба, закончившаяся уже на четвертом общем собрании в конце 1902 г. победой умеренной части членов Общества, состоявшей почти исключительно из учителей. Члены-соревнователи потерпели поражение, однако, как писал губернатор, «победу благонамеренной партии на собрании 29–31 декабря нельзя считать окончательной и было бы преждевременным, при наличных условиях, ожидать полного прекращения беспорядков в учительском обществе. Партия благонамеренных оказалась на этот раз в большинстве только потому, что на собрание, созванное в каникулярное время, могли приехать члены из сел Пермского и соседних с ним уездов. Партия ультра-либеральная, состоящая главным образом из лиц, проживающих в самом городе Перми, всегда может потребовать созыва экстренного собрания в такое время, когда учащим нельзя будет приехать из уездов в город Пермь. Тогда опять перевес может оказаться на стороне партии ультра-либеральной»⁴⁷.

Эта история – пример своеобразного насилия членов-соревнователей над учителями, однако бывали и случаи, когда педагоги сознательно выступали на стороне оппозиционно настроенных земских служащих. Наиболее яркий и известный пример – коллективная отставка 24 учителей и учительниц Новоторжского уезда в 1904 г. в знак протеста против действий министра внутренних дел В.К. Плеве, отстранившего от должности и вышавшего из Тверской губ. членов Новоторжской земской управы. При этом протестовавшим было запрещено вновь поступать на государственную и общественную службу (запрещение снято в конце 1904 г. новым министром внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирским)⁴⁸.

При таких условиях неудивительно, что в 1905–1907 гг. деятельность большинства обществ приобрела политический, а в ряде случаев и революционный характер. Как свидетельствуют дела Департамента полиции, главными зачинщиками революционных заявлений и действий обществ взаимного вспомоществования были члены-соревнователи. Например, заведовавший полицией товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов сообщал министру народного просвещения В.Г. Глазову 21 июля 1905 г. о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Самарской губ.: «Членами общества сначала были учителя и лица, сочувствующие его задачам. Однако в последнее время в состав общества проникло в качестве членов-соревнователей много совершенно чуждых учительской среде лиц, которые резко изменили характер деятельности общества и, внося в его задачи политический элемент, стремились захватить в свои руки все дела общества. На общем собрании 22 апреля, при отсутствии председателя и его товарища, группа новых членов объявила собрание законным и провела исключение товарища председателя (инспектора народных училищ) из состава общества и избрание председателем правления члена Николаевской уездной земской управы Д.Д. Протопопова, человека крайних противоправительственных воззрений. По распоряжению Протопопова 29 мая вновь созвано общее собрание, на котором обсуждался вопрос о присоединении к Всероссийскому учительскому союзу. Перед закрытием собрания секретарь губернской земской управы Клафтон обратился к учителям и учительницам с речью, в которой рекомендовал им, по возвращении в места службы, стараться убедить сельские общества составить приговоры о необходимости прекращения войны»⁴⁹.

В том же году общее собрание Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Саратовской губ., на котором присутствовало 300–350 человек (из них учителей и учительниц, по сообщению окружного инспектора Казанского учебного округа, – не более 150–180 человек) постановило, что народное образование должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным, а общеобразовательная школа – светской. «Видно было, – писал инспектор, – что во главе собрания стояли посторонние элементы – члены-соревнователи, подавляющие свою сплоченностью и увлекавшие, к сожалению, некоторых из учителей». Инспектор констатировал, что не только в Саратовской, но и других губерниях земские и городские

управы беспрепятственно восстанавливали против учебной администрации учителей и учительниц⁵⁰.

Эти и подобные инциденты приводили к закрытию обществ взаимного вспомоществования, отстранению от работы или даже аресту и ссылке их наиболее активных членов, что в конечном итоге дискредитировало идею учительских объединений в глазах подавляющего большинства умеренно настроенных педагогов начальной школы. Например, в 1907 г. за неоднократное уклонение от «прямых целей» и нарушение устава было закрыто Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Архангельской губ., устраивавшее под «видом общих собраний съезды учителей, на которых при численном преобладании над учащими членов-соревнователей Общества (нередко ссыльных) вносились резолюции политического характера или не имеющие ничего общего с основными задачами Общества»⁵¹.

Некоторые общества в этот период пытались организовать помощь учителям, которые тем или иным образом пострадали за антиправительственную деятельность. Общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших Воронежской губ. в мае 1905 г. решило ежемесячно выдавать пособия в размере 25 руб. учителям, уволенным за политические убеждения; с этой целью устанавливались дополнительные сборы с жалования членов общества, однако уже в сентябре того же года Общество было закрыто губернатором⁵². Аналогичные меры предприняло Общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших в начальных народных училищах Ярославской губ. Екатеринославское общество, в районе которого оказалось больше всего пострадавших, в сентябре 1906 г. постановило образовать фонд помощи безработным учителям, выделив для него 650 руб., а также учредить 15 «вольных школ», где должны были работать уволенные педагоги. Деятельность некоторых обществ была парализована развернувшейся в них борьбой. Особенно тяжелые испытания в этом отношении пришлось пережить Бессарабскому, Самарскому, Екатеринославскому обществам. Борьба между членами старого и нового правлений шла в 1905 г. в Пермском и Оренбургском обществах⁵³.

Требования, выдвигавшиеся в ходе революции 1905–1907 гг. обществами взаимного вспомоществования, были в основном схожи с программой Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Так, постановления, принятые в этот период Воронежским, Архангельским и Екатеринославским обществами, выражали убеждение в том, что изменение положения учителей невозможно «на почве существующего порядка» и настаивали на его демократизации и созыве Учредительного собрания⁵⁴. Другие общества в этот период представили земским собраниям обширные программы по улучшению положения учителей. Однако большей частью земства даже при желании не могли их удовлетворить, поскольку они противоречили законам о народном образовании.

После лихорадочной деятельности 1905–1906 гг. общества пережили резкий упадок. Часть действительных членов и членов-соревнователей отошла от участия в их жизни. Многие общества оставались закрытыми. Политизация вызвала конфликт с земствами, настроения которых уже в 1906 г. стали значительно умереннее, нежели годом ранее. Общества, вступившие в конфронтацию с земствами, лишились субсидий и тем самым оказались на грани распада. Возрождение обществ взаимопомощи намечалось только в 1908 г. Отстранившись от политики, учителя вновь сосредоточились на удовлетворении своих ближайших материальных и духовных нужд. Изменился состав обществ, снизилась роль членов-соревнователей. Приобретя опыт совместной общественной деятельности, педагоги стали стремиться к самостоятельности⁵⁵.

С деятельностью обществ взаимного вспомоществования связаны первые 3 съезда учителей начальной школы в России и уникальные в отечественной истории опыты создания всероссийских учительских профессионально-политических союзов. Первым всероссийским съездом учителей начальной школы фактически стал приезд нескольких тысяч педагогов на Всероссийскую торгово-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 г. Такую возможность обеспечило Общество взаимного вспомош-

ования учителям и учительницам Нижегородской губ., созданное Н.Ф. Анненским и присяжным поверенным С.С. Баршевым. По просьбам правлений других обществ оно организовало прием коллег со всей страны, размещая их в бесплатных общежитиях, устроенных в школах. К маю 1896 г. Общество получило свыше 5 600 заявлений учителей о желании воспользоваться бесплатными «квартирами», и все они были удовлетворены⁵⁶. Кроме этого, Общество проводило для гостей лекции и экскурсии, устроило несколько поездок и вечеринок, добились от пароходств Оки и Волги льготного тарифа для педагогов. Таким образом, в Нижнем Новгороде впервые встретились педагоги со всех концов Российской империи. Как писал деятель педагогического движения В.В. Василевич, в 1896 г. «нижегородские собратья и собратки на деле показали, как полезно и необходимо учительское объединение и какую силу представляют из себя народные учителя, если они организуются в союзы»⁵⁷. Под влиянием этого съезда в течение нескольких лет педагогические общества взаимного вспомоществования были организованы во многих губерниях. В 1902 г. на выставке по народному образованию, проведенной Курским губернским земством, учительство, по словам современника, «выглядело гораздо сознательнее, сплоченнее и активнее», чем в 1896 г.⁵⁸

Идея созыва настоящего съезда обществ взаимопомощи возникла в связи с их перепиской об устройстве санатория для учителей (это предложение сразу после выставки 1896 г. высказало Нижегородское общество). Хотя данная переписка не привела к практическим решениям, она породила мысль о желательности съездов представителей обществ взаимного вспомоществования для обсуждения вопросов «учительского быта». С таким предложением Калужское общество в 1900 г. обратилось к Московскому обществу попечения о быте учащихся, которое взяло на себя разработку программы съезда и благодаря настойчивости своего председателя кн. Павла Д. Долгорукова (он же впоследствии был избран председателем съезда) добилось его разрешения. Прошедший в Москве на рождественских каникулах 1902–1903 гг. съезд получил название «1-го Всероссийского съезда представителей обществ взаимного вспомоществования лицам учительского звания». На нем присутствовали представители 68 обществ (из 80 существовавших), а также делегаты 3 учительских вспомогательных касс и 3 обществ взаимопомощи земских служащих, где большинство членов составляли учителя. Число делегатов достигало 274, в том числе 57 из Москвы и 20 из Санкт-Петербурга. В работе съезда также участвовало 51 «сведущее лицо» – земские деятели, деятели народного образования, предводители дворянства (по должности они являлись председателями училищных советов)⁵⁹.

Съезд показал единодушное стремление педагогов к объединению и общению между собой и постановил образовать союз учительских обществ. Кроме того, он продемонстрировал нежелание учителей быть «узкими профессиональными работниками» и их стремление добиться «права на участие в общественной деятельности» через участие в сельских сходах и земских совещательных учреждениях по вопросам управления школой⁶⁰. В докладе Московского охранного отделения утверждалось: «Характерным является то, что публика и делегаты охотно выслушивали доклады, в коих говорилось об объединении учащихся, о мелкой земской единице, о правовом положении учителей и на тому подобные тенденциозные темы, тогда как доклады, касающиеся чисто специальных вопросов относительно постановки учебного дела, совершенно почти игнорировались слушателями, так что на 2-й вечерней секции, где именно разбирались эти доклады, присутствовавших осталось всего человек 15–20»⁶¹. Съезд обнаружил и глубину недовольства учителей своим положением и, несмотря на контроль со стороны наблюдателей от МНП, стал трибуной для множества критических замечаний в адрес учебного ведомства и правительственной политики в области просвещения в целом. По данным политической полиции, «все тенденциозные заявления докладчиков и оппонентов были покрываемы шумными аплодисментами присутствовавших, а критика распоряжений Министерства народного просвещения – громким смехом»⁶². Оценивая итоги работы съезда, министр внутренних дел писал: «Находя, с точки зрения государственного порядка, крайне нежелательным объедине-

ние обществ, в задачах и деятельности коих заключаются основания к расширению их программ вторжением в область вопросов политических и относя к категории таких организаций общества вспомоществования лицам учительского звания, я признал бы необходимым не разрешать впредь съездов представителей этих обществ»⁶³.

Для реализации постановлений съезда была образована комиссия Санкт-Петербургского общества, в которую вошли представители других учительских обществ⁶⁴. Однако постановления съезда фактически остались невыполненными. Попытки создания всероссийской организации пресекались МНП и МВД, которые справедливо опасались, что деятельность такого союзного центра неизбежно примет оппозиционный характер⁶⁵. Проект устава союза обществ вспомоществования и проект типового устава были представлены в МВД в 1904 г. и остались без ответа. Внесение на рассмотрение правительства большинства намеченных съездом ходатайств было отложено «до наступления благоприятных условий», впоследствии же сравнительно умеренные требования первого съезда учительских обществ потеряли актуальность. Краткий систематический сборник постановлений съезда не был допущен к печати цензурой, так как МНП не имело полной уверенности в том, что «все... постановления могут быть обнародованы без вреда для дела» (они были изданы лишь в 1913 г.)⁶⁶. Публикация «Трудов» съезда из-за технических трудностей и нехватки средств состоялась только в 1907 г.

И тем не менее съезд оказал огромное влияние на активизацию деятельности учительских обществ. Например, Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Тверской губ., по воспоминаниям Н.В. Чехова, немедленно после съезда создало уездные отделения и попыталось провести в жизнь те его постановления, которые касались улучшения положения учителей и усиления их роли в управлении народным образованием. Общество ходатайствовало об этом перед земскими собраниями, и его предложения были приняты почти целиком Новоторжским уездным земским собранием и частично рядом других. Собрания Тверского общества стали «особенно многолюдны и часты, на них съезжались учителя даже из очень далеких уездов, приезжали они на общие средства товарищей как их представители»⁶⁷. Благодаря съезду, период 1903–1905 гг. стал временем наибольшей активности обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим. Идея создания единого профсоюзного центра нашла отражение в организации Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, который привлекал в свои ряды новых членов с помощью обществ взаимного вспомоществования. Именно эти общества обеспечили массовый характер Союза и его превращение (правда, совсем ненадолго) в одну из влиятельных политических организаций страны.

Организация второго съезда представителей обществ взаимопомощи лицам учительского звания была возложена на Санкт-Петербургское педагогическое общество взаимопомощи. Его созыв намечался на 1905–1906 гг., но разрешение на него было получено только в 1913 г.⁶⁸ Второй съезд (им. К.Д. Ушинского) прошел в Санкт-Петербурге, на каникулах 1913–1914 гг. под председательством С.А. Золотарева, возглавлявшего правление Санкт-Петербургского педагогического общества взаимопомощи. Он собрал представителей от 108 обществ (из 130 существовавших), которые объединяли около 50 тыс. членов, т.е. около трети всех учителей. Это был грандиозный форум, который уже не был подконтролен Министерству народного просвещения. О настроениях на съезде агент Департамента полиции сообщал: «Среди народных учителей нет “довольных”, недовольны все. Главная причина недовольства – скверное материальное положение и грубости со стороны местной низшей администрации. К “активным выступлениям” народные учителя едва ли подготовлены. Но к участию во всеобщей забастовке протеста подготовлены в полной мере»⁶⁹. Резолюции съезда касались в основном улучшения условий работы учителей, но иногда прямо или косвенно затрагивали и политические вопросы. Съезд вновь высказался за необходимость привлечения учителей к управлению народным образованием и по инициативе Г.А. Фальборка выразил пожелание, чтобы действие земских учреждений было распространено на всю

Россию, чтобы «в круг их ведения вошли все жизненные вопросы страны и чтобы в составе их были представители всего населения». Вновь было решено стремиться к организации всероссийского профсоюза учителей как федерации обществ взаимопомощи⁷⁰. Третий съезд предполагалось созвать в Москве летом 1916 г., но из-за Первой мировой войны он так и не состоялся. Для реализации принятых решений съезд избрал Финансово-исполнительную комиссию (Н.В. Чехов, В.И. Чарнолуцкий, С.А. Золотарев и др.). Комиссия издала «Труды» съезда и в 1915 г. добилась создания Всероссийского педагогического общества, одной из задач которого было оказание содействия учительским и педагогическим обществам. Членами его Совета стали В.А. Зеленко, Золотарев, В.П. Вахтеров, Чехов, А.Я. Гуревич и др.⁷¹

Общества взаимного вспомоществования помогали справиться с наиболее вопиющими случаями учительской нужды. Но в жизни учительства они имели значение не столько как организации материальной взаимной поддержки (нуждавшихся было слишком много), сколько как единственная легальная форма совместной общественной деятельности, один из способов преодоления разобщенности, характерной для профессии сельского учителя, и важнейший фактор формирования корпоративного самосознания педагогов. Характерно, что общества взаимопомощи учащим и учившим, особенно на первом этапе своего существования, не могли действовать как чисто профессиональные организации, без посторонней поддержки: они пользовались деловым и идейным сотрудничеством деятелей местного самоуправления, «третьего элемента» и фактически от них же получали значительную часть доходов в виде субсидий от земских и городских учреждений, пожертвований частных благотворителей. Созданию полноценных педагогических профсоюзов препятствовали уровень образования и общего развития учителей сельской школы, а также условия их жизни. Такое положение, с одной стороны, сближало учительство с другими, более развитыми и лучше образованными слоями интеллигенции, с другой – приводило к тому, что профессиональные организации подчас увлекались задачами, чуждыми своим непосредственным интересам.

Примечания

¹ В собственно педагогические общества, преследовавшие задачи развития просвещения (комитеты грамотности, общества распространения коммерческого образования, вспомоществования нуждающимся учащимся, Педагогическое общество при Московском университете, Лига образования и др.), входили в основном представители иных групп интеллигенции.

² Единственный очерк о них принадлежит М.В. Михайловой: *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). М., 1993.

³ Начальные училища ведомства бывшего Министерства народного просвещения в 1915 году. Пг., 1919. С. XX.

⁴ *Балдин К.Е., Иванов В.В.* Земские школы Ивановского края (конец XIX – начало XX века). Иваново, 2000. С. 338–339.

⁵ Извлечение из Всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1897 год. СПб., 1898. С. 482.

⁶ РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 127, л. 75–75 об.

⁷ *Исаков Д.А.* Народное образование в Тверской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 6. Отд. 3. С. 145.

⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 231, д. 75, л. 14.

⁹ Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. 16. Пг., 1916. С. 86.

¹⁰ Нормальный устав общества взаимного вспомоществования учащим и учившим (Утв. М-вом нар. прос. 5 июля 1894 г.). Warszawa, 1895.

¹¹ ПСЗ-III. Т. 26. № 27479.

¹² ЦИАМ, ф. 64, оп. 1, д. 43, л. 10, 31–31 об.; д. 437, л. 12–12 об.

¹³ *Михайлова М.В.* Указ. соч. С. 112–113.

¹⁴ Ежегодник народной школы. Вып. 1. М., 1908. С. 131.

- ¹⁵ Михайлова М.В. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁶ Труды Второго Всероссийского съезда имени К.Д. Ушинского. Вып. 3. СПб., 1914. С. 56.
- ¹⁷ Зеленко В. Объединение учащихся // Русская школа. 1915. № 12. С. 67.
- ¹⁸ Ежегодник учительских обществ. 1914. Пг., 1915. С. 21–22.
- ¹⁹ Аникин С.В. О материальной и юридической необеспеченности русского народного учителя // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902/3 г. Т. 1. М., 1907. С. 255.
- ²⁰ Михайлова М.В. Указ. соч. С. 98.
- ²¹ Педагогический вестник Московского учебного округа. 1914. № 1. С. 90.
- ²² РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 127, л. 80.
- ²³ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 3. С. 54–55, 59.
- ²⁴ Ежегодник учительских обществ. 1914. Пг., 1915. С. 38.
- ²⁵ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 3. С. 222.
- ²⁶ Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Олонецкой губернии за 1904 год. Петрозаводск, 1905. С. 1, 4–5; Отчет о состоянии и деятельности... за 1909–10 год. Петрозаводск, 1910. С. 1–7.
- ²⁷ РГИА, ф. 733, оп. 172, д. 1436, л. 196 об.
- ²⁸ Ежегодник учительских обществ. 1915. Пг., 1916. С. 48.
- ²⁹ Ежегодник учительских обществ. 1914. С. 114–115.
- ³⁰ Отчет о состоянии и деятельности... за 1909–10 год. С. 4; Отчет о состоянии и деятельности... за 1911–12 год. Петрозаводск, 1913. С. 5.
- ³¹ Андреев М.П. Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып. 2. Владимир на Клязьме, 1911. С. 47.
- ³² Отчет правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1913 год. XX год существования. Нижний Новгород, 1914. С. 7.
- ³³ Ежегодник учительских обществ. 1914. С. 53.
- ³⁴ Осоргин М. Экскурсии учителей за границу // Вестник воспитания. 1912. № 7. С. 137.
- ³⁵ Ежегодник учительских обществ. 1914. С. 27.
- ³⁶ Ежегодник народной школы. С. 142.
- ³⁷ Тулунов Н.В. Основные вопросы учительского быта // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... Т. 1. С. 313–314.
- ³⁸ Василевич В.В. Шаг за шагом. К истории объединения народных учителей (Из личных воспоминаний и переживаний). М., 1914. С. 23.
- ³⁹ Латышев В. О съезде директоров народных училищ С.-Петербургского учебного округа // Русский начальный учитель. 1905. № 10. С. 392.
- ⁴⁰ Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1915. С. 249.
- ⁴¹ Спасский С.А. О бытовом положении учащихся земских начальных школ // Труды 1-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... Т. 1. С. 247.
- ⁴² ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2341, л. 8–9.
- ⁴³ РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 127, л. 34.
- ⁴⁴ ЦИАМ, ф. 459, оп. 4, д. 2484, л. 24 об.–25.
- ⁴⁵ Отчет по ревизии земских учреждений Московской губернии. Т. 2. СПб., 1904. С. 271–272.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 230, д. 1800, л. 8 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 12.
- ⁴⁸ Там же, оп. 231, д. 141, т. 2, л. 61–62 об., 82.
- ⁴⁹ Там же, оп. 233, д. 1255, ч. 20, л. 15–16.
- ⁵⁰ Там же, ч. 21, л. 7–19 об.
- ⁵¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 139, оп. 1, д. 10854, л. 71, 76–76 об.
- ⁵² Михалев О.Ю. Организации либеральной интеллигенции в Воронежской губернии в 1905 г. // Новик. Вып. 3. Воронеж, 2000. С. 93–96.
- ⁵³ Ежегодник народной школы. С. 147–149.
- ⁵⁴ Там же. С. 144.
- ⁵⁵ Зеленко В. Указ. соч. С. 64.
- ⁵⁶ Отчет правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1913 год... С. 6.
- ⁵⁷ Василевич В.В. Указ. соч. С. 26.

⁵⁸ Золотарев С. Указ. соч. С. 244.

⁵⁹ Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... Т. 1. С. 1–29.

⁶⁰ Там же. С. 149–150.

⁶¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 231, д. 75, л. 11.

⁶² Там же, л. 6.

⁶³ Там же, л. 24 об.

⁶⁴ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 2–3.

⁶⁵ РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 127.

⁶⁶ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 5–6.

⁶⁷ Научный архив Российской академии образования, ф. 21, оп. 1, д. 484, л. 21.

⁶⁸ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 7–12.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 244, д. 31, л. 3.

⁷⁰ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 84, 93, 108–109.

⁷¹ О деятельности Всероссийского педагогического общества см.: Михайлова М.В. Указ. соч. С. 123–125.

© 2011 г. А.В. КОБЗЕВ*

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ МУСУЛЬМАН УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 40–80-х годах XX века

Основное внимание в статье уделяется функционированию в 1940–1980-х гг. в Ульяновской обл. незарегистрированных мусульманских религиозных групп, в которых исповедание ислама в силу социально-политических условий атеистического советского государства приобрело внеинституциональный характер. Радикальный курс внутренней политики ВКП(б) (КПСС), направленный на искоренение религиозных традиций в советском обществе, выразился в закрытии в стране культовых зданий, ликвидации системы религиозного образования.

В Ульяновской обл. по официальным данным в 1945–1947 гг. насчитывалось 154 мечети. 109 из них (70% от общей численности) были закрыты еще в 1930-х гг. по решениям Куйбышевского областного исполнительного комитета, Средневолжского краевого исполнительного комитета, местных сельсоветов и общих собраний верующих. Всего в области насчитывалось 133 действующих мечети. В целом, в Среднем Поволжье тотальное закрытие мечетей и свертывание религиозной жизни населения пришлось на всеобщую и принудительную коллективизацию деревни, когда наряду с крестьянами раскулачивались мусульманские служители культа и проводились политические репрессии¹. До 1944 г. в Ульяновской обл. мечети официально функционировали всего в 6 селениях – Уразовка, Старое Тимошкино, Абдреево, Елховый Куст, Уразгильдино и Татарский Калмаюр. В сравнении с дореволюционным периодом, когда в Симбирской губ. насчитывалось 258 мечетей, численность общин в советское время сократилась в несколько десятков раз².

В конце Второй мировой войны в СССР началась частичная либерализация конфессиональной политики государства. Она была обусловлена объективным усилением религиозности населения в годы войны, в том числе и мусульманского, апелляциям властей к религиозным чувствам верующих, способствовавшим консолидации советского народа, и патриотической позицией религиозных организаций³. Уже в 1943 г. в стране существовали 3 духовных управления мусульман – на Северном Кавказе, в

* Кобзев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета.